

ДАНА ДЕЛОН КСЮША ЛЕВИНА
ВИКТОРИЯ ПОБЕДИНСКАЯ

Драма Queen?

или Переполох на школьном балу

ПРОЛОГ

Шесть лет назад

ПОГОВАРИВАЮТ, ЧТО, ЕСЛИ БЫ елка в тот вечер не загорелась, Пенни Браун, Кэти Ли и Тей Джонсон остались бы подругами. Возможно, с кем-то из них начал бы встречаться Люк Уилсон, а может, и нет. Возможно, все вообще перевернулось бы вверх тормашками и королевой зимнего бала стала бы Пенелопа Браун, Кэтрин Ли запела бы в церковном хоре, а Тейлор Джонсон получила бы должность президента школы. Но, увы, теперь мы этого не узнаем, потому что елка в гостинной семьи Уилсон все-таки пала жертвой подсвечника, который, в свою очередь, опрокинулся из-за разбившейся вазы. В этом были также замешаны щенок по кличке Ральф, галстук и поцелуй под омелой.

За час до катастрофы Люк Уилсон еще не знал, чем закончится новогодняя вечеринка. Он сидел на софе у камина и страдал из-за того, что его нарядили в костюм-тройку и даже повязали на шею галстук-удавку, который мальчик то и дело растягивал.

Мама строго-настрого запретила галстуки с рисунком, назвав их детскими, и не позволила избавиться от бордового бархатного жилета.

Куда комфортнее Люк чувствовал бы себя в баскетбольной форме, которую получил совсем недавно и которой безумно гордился. В красной майке с волком во всю спину Уилсон казался себе даже на пару сантиметров выше и ловил в коридорах первые восхищенные взгляды девчонок. Еще бы! Спортсмен — это высшая лига, как ни крути. Интересно, девчонки, сидящие напротив, оценят, что он гордо носит личный номер на спине? Или им плевать?

Люк плохо знал гостей. Его родители совсем недавно купили дом в этом районе: отец получил должность заведующего хирургическим отделением в местной больнице, из-за чего пришлось сменить и город, и школу. Большую часть времени в шестом классе Люк потратил на баскетбол, общаясь исключительно с парнями из команды и мечтавая однажды покорить стадион, уже будучи «большим баскетболистом» (так они называли ребят из старшей школы). Люк Уилсон получил от старших прозвище Маленький Волк за самый точный бросок, ставший легендарным на целую неделю, и все, о чем он теперь мечтал, — это снова рассказать про свой триумф, но кому? Этим противным шестиклассникам? Спасибо, не надо.

Девчонок привели в дом новые коллеги родителей — Брауны. Они переехали в этот район

одновременно с Уилсонами, грузовики с вещами перепутали адреса, и семьи вроде как подружились. А может, дело было в том, что их родители работали в одной больнице? Разумеется, не все три девочки были дочками Браунов, а только та, что с челкой как у пони. Крошечная для своего возраста девочка, имени которой Люк не запомнил. Они виделись всего пару раз в школе и один раз в больнице, в кабинете его мамы.

Люк также знал Тейлор. Она была настолько яркой и красивой, что все заранее мысленно дорисовывали ей корону королевы школьного бала. Она явно была крутой девчонкой. Ее привела с собой семья девочки-пони, потому что они вроде как были подружками.

Кэти Ли была Люку печально известна. Она была бойкой и внушала страх. И бегала быстрее всех. В начале года Люк даже втайне обрадовался, что зачет у мальчишек и девчонок принимали по отдельности и ему не пришлось краснеть из-за того, что эта Кэти носится, как маленькая пуля. И это при том, что с очками на носу она выглядела полной заучкой. Зато у нее были самые крутые кроссовки в классе.

— Так как, говоришь, тебя зовут? — наконец спросил он, не выдержав молчания и неизвестности. Последние полчаса Люк ломал голову, как же зовут Челку Пони. Их же познакомили, а у него в голове крутилась только первая буква — П.

— П-п...

Стоило их взглядам пересечься, и девочка-пони покраснела. Ну точно что-то на П.

— Пенелопа! — громко ответила за подругу Тейлор.

— Ясно.

Люк притворно закашлялся, окончательно растянул галстук, и тот развязался. Украдкой поглядывая по сторонам, он сунул своего главного врага на этот вечер в фарфоровую вазу с лагурусом*, стоящую у камина, и удовлетворенно улыбнулся. Мама ничего не заметила.

— Может, это... поиграем?

— Во что?

Кэти склонила голову набок и вздернула брови. Это выглядело так, будто она ставит его предложение под сомнение. Кажется, эта девочка была очень умной, и с ней явно есть о чем поговорить, но Люк сомневался, что сам достаточно умен. Он получил тройку за сочинение по литературе, а сочинение Кэти зачитали перед классом, и она даже бровью не повела, будто это в порядке вещей.

— Мне кажется, мы слишком взрослые, чтобы играть на вечеринках в детские игры, — кивнула Тейлор.

— И слишком маленькие для игр в бутылочку, бир-понг или типа того, — пожалала плечами Кэти.

Она была очень стройной и хорошенькой, даже несмотря на очки, а это не так-то просто, стоит

* Лагурус — однолетний злак (*Примеч. ред.*).

признать. У нее были гладкие темные волосы, бронзовая кожа, несмотря на середину зимы, и цепкий взгляд.

— И я с-со-совсем не уверена, что с-с-справлюсь со спортивными играми, — вздохнула, заикаясь, Пенни.

— Я-асно, — в который раз за вечер протянул Люк.

Его вообще-то прилично достала эта вечеринка. Наверху ждали приставка — подарок на Рождество, бутылка газировки и большая пачка начос (их он стащил с кухни и припрятал еще утром). Но ему было велено развлекать этих девчонок, которых мама называла маленькими дамами.

— А ты, значит, баскетболист? Видела, тебя приняли в команду.

Тейлор прищурилась, ее щеки порозовели, но Люк понятия не имел, что это может значить. Девчонки были для него загадкой, как и для большинства двенадцатилеток. Ребята постарше делали вид, что во всем уже разбираются, но Люк им не верил, иначе бы они все уже с кем-то встречались, а такого не наблюдалось. Но сидящие напротив него Пенни, Тейлор и Кэти были какими-то совсем непонятными. Они то краснели, то улыбались, то бросались колкостями. Концентрация девчонок в доме зашкаливала, а приставка так и ждала своего часа.

— Да, типа того, — ответил он Тейлор, и она ему улыбнулась. — А ты типа будущая королева бала?

— Да, типа того.

Ее улыбка стала еще шире. Белокурые волосы покрывали спину до поясницы, как у диснеевской принцессы, а голубые глаза были просто огромными. Рядом с ней меркли обе девочки, хотя Люк все время косился на Пенни-пони и ему даже казалось, что она очень миленькая. Всякий раз, как их взгляды встречались, щеки у Пенни-пони краснели, и это определенно вызывало волнение у самого Люка. А еще он то и дело возвращался взглядом к Кэти. Быстро бегают, цепкий взгляд, умная. Кэти Люка восхищала.

— А ты, Пенни? Кем ты себя видишь?

Он просто заполнял болтовней неловкие паузы, и все это понимали.

— Я... никем. Уж точно не королевой. И определенно не баскетболистом.

У нее был совсем тихий голос, так что Люку приходилось напрягать слух, чтобы разобрать, что она говорит.

— Пенни тоже может стать королевой. Она ничуть не хуже меня, и ты бы видел, как она рисует! — тут же строго заявила Тейлор. — И поет. Она очень красиво поет и ходит в школу искусств, между прочим. И она будет гением биологии!

Пенни в очередной раз залилась краской и отвернулась.

— Не пойдешь по стопам родителей?

— Ни за что! — слишком резко выпалила Пенни, и почему-то Люк ее понял. Он тоже не

собирался становиться врачом, хотя, кажется, уже слышал, как родители об этом говорили.

— А ты? — кивнул он Кэти.

Она оторвала взгляд от книжки, которую минутой ранее сняла с каминной полки.

— Стану президентом.

— Президентом... школьного совета?

— Президентом США, — очень по-взрослому пресекала все сомнения Тейлор.

Кажется, девочка очень гордилась своими подругами, и это Люку понравилось. Еще нравилось, что она ему улыбается и кажется в нем заинтересованной. Люк раньше не общался так близко с заинтересованными в нем девочками и не понимал, что следует делать.

— Скоро полночь, ребята. — Отец Люка подошел к камину и, откашлявшись, многозначительно посмотрел на шею сына, где определенно не было галстука. — Неплохо бы привести себя в порядок.

— Я... запачкал его, пап.

Люк посмотрел на девочек, и все трое сделали вид, что так и было. Отец усмехнулся. Люк перевел взгляд на вазу с лагурусом и мог бы поклясться, что доктор Уилсон сделал то же самое.

Мама прошла по комнате с длинными каминными спичками и зажгла свечи, что украшали сегодня гостиную, хотя, пожалуй, загляни она в будущее, не стала бы этого делать. Щенку Ральфу разрешили спуститься на первый этаж, чтобы вся семья была в сборе, — это тоже было совершенно

лишним. Ральф, как выяснилось позже, питал страсть к галстукам. Уилсоны мало что знали про своего пса. Родители подарили Люку щенка ирландского волкодава в тот день, когда он получил форму «Волков Деполе». Теперь будущая гроза района со страхом и интересом поглядывал на елку и галстук, кончик которого торчал из вазы.

Девочки встали с дивана. Самой высокой оказалась Тейлор: она уже носила каблуки, хотя и небольшие. Самой низкой — Пенни: она едва доставала Люку до подбородка и могла сойти за семилетку. А вот с Кэти Люк столкнулся нос к носу, и оба из-за этого рассмеялись. Чертова Кэти — самые быстрые ноги школы Деполе. «Зато я играю в баскетбол, а она всего-то станет президентом», — подумал Люк и еще раз напоследок улыбнулся Кэти, прежде чем идти к родителям. Девочки последовали за ним и остановились перед фуршетным столом с горкой шампанского.

— Омела, — тихонько произнес кто-то рядом.

Кэти завороченно смотрела вверх и даже сделала шаг назад, чтобы рассмотреть омелу получше.

Все три девочки стояли под одной из веточек омелы, которыми мама украсила гостиную, и Люк вспомнил, что вообще-то есть традиция целоваться под омелой. Его мысли пошли дальше, и он стал думать, кого из них троиц бы выбрал. А через пару минут ему почему-то уже казалось, что так он и должен поступить — кого-то из них поцеловать. Омела, Новый год, эти девчонки. Логично же, что

в итоге все должно закончиться новогодним чудом?

Тейлор была самой красивой, Кэти, кажется, самой интересной, а Пенни, с челкой как у пони, — самой милой. Муки выбора длились недолго. Часы пробили двенадцать, мистер Уильямс открыл шампанское, все начали друг друга поздравлять, обнимать и целовать в щеки. Люк сжал пальцы в кулаки и еще раз покосился на девчонок, которые, посмеиваясь, пили газировку из бокалов для шампанского, даже не подозревая, о чем сейчас думает их «кавалер».

Бум! Еще одна бутылка шампанского открылась. Люку показалось, что Тейлор посмотрела на него выжидательно, а Пенни и Кэти как будто отступили в тень. А может, нет? Может, это Пенни отступила, оказавшись к нему ближе всех, отгороженная от остальных пушистыми лапами исполинской ели? Или нет, Кэти. Разумеется, это она стоит с таким же выражением лица, как тогда, когда победила всех в беге на короткую дистанцию. Она словно спрашивала: «Ну что? Слабо?»

Спустя пятнадцать минут вечеринка закончилась наполовину сторевшей елкой, разбитой фарфоровой вазой и концом дружбы Кэтрин Ли, Пенелопы Браун и Тейлор Джонсон. Но это совсем другая история.

Глава 1,

в которой Кэтрин находит, Тейлор теряет,
а Пенни влюбляется еще сильнее

Шесть лет спустя

ВОТ УЖЕ МНОГО ЛЕТ жизнь Кэтрин Ли шла словно под стук метронома, отбивающий четкий ритм. Удар кроссовки о землю. Выдох, превращающийся в белый пар. Вдох, снова удар. Биение сердца в такт легким шагам. Хлопок дверцы шкафчика в коридоре. Школьный звонок. Треск заведенного будильника. Входящее сообщение: «Собрание в четыре. Все, как ты и просила, будут». Разумеется, будут. Потому что она не просит. Она говорит, а другие делают. Только так в этом мире все продолжает работать четко и исправно, как швейцарские часы. Росчерк чернил по бумаге. Там, где с пометкой «организационный комитет» фраза «утвердить проект сценария» обведена трижды.

«Позвонить в цветочную лавку, заказать омегу», — дописала она в список дел и захлопнула

ежедневник в кожаном переплете. Любимый. С золотой каемкой по краю. Один из десятка, что стопкой высятся на краю ее стола словно заготовленные инвестиции. Ее верные союзники в ежедневной войне со школьной бюрократией и бестолковыми учениками. Сколько ветвей понадобится? «Нужно узнать площадь зала», — сделала она пометку, подумав, сколько же нелепых традиций придумали люди, просто чтобы заставить кого-то себя поцеловать. Глупая романтика. Кому она вообще сдалась?

Давайте наконец признаем, что Николас Спаркс, Джейн Остин и сестры Бронте слишком долго пользовались нашими жаждущими романтики сердцами. Романтика в двадцать первом веке мертва. Леди давно могут постоять за себя сами, не хлопая ресницами и не закатывая глаз. А байроновские идеалы — не больше чем глупые мечты глупых школьников.

К восемнадцати Кэтрин очень четко осознала бесполезность слова «любовь» и научилась прятать свое сердце под белыми рубашками с острыми отглаженными воротничками надежнее, чем за тяжелыми дверьми стальных сейфов. Сколько их, этих дверей? Она и сама не знала.

Учеба, школьный комитет, подготовка к поступлению в Лигу плюща, помощь бездомным в церкви Святого Патрика по субботам, а еще ворох мелких встреч, разговоров и записей в ежедневнике, расчерченном разноцветными полосами. Где-то там, под грудой всего, за решетками блокнотной

разлиновки пряталось ее сердце. Хотя большинство выпускников Деполе вообще сомневались, что оно у нее имеется.

— Кэт, глянь, так нормально?

Она повернулась, бросив взгляд на растяжку, которую двое десятиклассников старались укрепить прямо напротив входа: «Ежегодный новогодний бал». Последнее слово кренилось набок, будто еще до начала бала «накинуло».

— Кажется, здорово получилось, да?

«Безусловно», — нахмурилась Кэт.

Школа Деполе всегда славилась вечеринками с размахом. Причем каждый новый выпускной класс считал своим долгом превзойти предыдущий, просто чтобы следующий тоже мог попытаться утереть им нос. Зачем? Изначальный смысл был уже давно утрачен, но по привычке бюджет для этого дела выделялся воистину громадный. А значит, требовался такой человек, который не подведет.

— Пусть художник наберет мне минут через десять. Поговорим.

И уж ему она точно скажет все, что думает о вывеске. И дело было не в придирках вовсе, хотя о ее диктаторских замашках разве что легенды не ходили. Кэтрин было наплевать. Руководство школы ей доверяло. Это главное.

— Кэтрин, дорогая, без тебя здесь все просто рухнет, — в сотый раз пропел мистер Эрлингтон, заместитель директора по административным

вопросам, как обычно появляясь не когда нужен, а чтобы бросить довольный взгляд на проделанную другими работу.

Девушка саркастически хмыкнула. Он ни разу не поинтересовался, нужна ли помощь, хватает ли денег или хотя бы просто как дела. Даже сейчас он, кажется, понятия не имел, зачем в спортивном зале собралась куча людей, не имеющих отношения ни к спорту, ни к оформительским работам.

Через десять минут должно было состояться первое собрание с номинантами, которых совет объявил накануне, и Кэт заранее не ожидала от этой встречи ничего хорошего. Одна только Тейлор Джонсон чего стоила, а таких, как она, будет восемь, да еще их пары и группа поддержки. Нужно было сделать встречу закрытой с самого начала.

— Благодарю, сэр, — ответила девушка.

Ручка в ее руке заскользила по бумаге. «Написать доклад по английской литературе; развесить афиши мероприятия», — добавила она в ежедневный перечень дел. А потом дверь зала распахнулась, и Кэт поморщилась. Тейлор в сопровождении своей галдящей, словно стая птиц, свиты вошла внутрь. Сквозь витражные окна, заливая зал, пробивался свет. В нем волосы Тейлор казались почти чистым золотом, локонами обрамляя плечи и будто подсвечивая их. Даже уборщик и мистер Эрлингтон проводили ее взглядом, пока она шла к сцене. Серая юбка в клетку, рубашка, галстук. На ногах модные лоферы кобальтового цвета.